

СООБЩЕНИЯ

РЕСАЛЭ-И-ЯКУБИ

(Воспоминания о Якуб-беке кашгарском Камиль-хана-ишана)

В 1756 г. китайцы покорили Восточный Туркестан. Правившие там потомки узбекской династии ходжей вынуждены были искать убежища в Бухаре и Фергане. В течение второй половины XVIII в. и первой половины XIX в. ходжи безуспешно пытались вернуть потерянную власть, поднимая против китайцев одно за другим восстания кашгарских мусульман¹.

Образование в 60-х гг. XIX в. монархии Мухаммеда Якуб-бека Бадаулета² было одним из эпизодов этой длительной борьбы.

Фигура Якуб-бека появилась на исторической арене в тот момент, когда экспансия российского царизма в Средней Азии и английского капитализма в Афганистане приняла особенно активный характер. В то же время в результате грандиозной по своим масштабам крестьянской войны тайпинов и дунганского восстания власть китайцев на территории западных провинций Китая сильно ослабела. Историческая обстановка благоприятствовала, таким образом, приходу к власти Якуб-бека.

В процессе взаимной борьбы за захват все новых и новых территорий Англия и Россия в 60 и 70-х годах XIX в. внимательно изучали Восточный Туркестан и личность его правителя.

За короткий период времени в Кашгарии побывал целый ряд английских и русских посольств, миссий, купцов, ученых, путешественников и т. п.

В 70 и 80-х годах прошлого века возникает обширная литература о Якуб-беке — от многочисленных заметок и статей в русской и английской периодике до солидных монографий, посвященных Кашгарии и ее правителю. Из английских работ наиболее выделяется книга Boulgier «The life of Jakoob beg; athalik ghazi, and badaulet, amir of Kashgar», вышедшая в 1878 г. в Лондоне, а также книга Bellow «Kashmir and Kashgar», изданная там же в 1875 году.

Из русских работ следует отметить книгу А. Н. Куропаткина «Кашгария», изданную в 1879 г. в Петербурге; в ней дан краткий очерк истории края, составленный на основе сведений, собранных автором во время его поездки в Кашгарию во главе посольства к Якуб-беку.

¹ Веселовский Н. «Лекции по истории Востока», стр. 106. СПб. 1910. Литографированное издание.

² Бадаулет — «счастливый» — прозвище Якуб-бека, которое принято и включено им в свой официальный титул.

Кроме того необходимо отметить статью Н. И. Веселовского «Бадаулет Якуб-бек, аталык Кашгарский»³, в основе которой лежат сведения Мирзы Мухаммед Эмина, полученные им от близко стоявшего к Якуб-беку кушбеги Мирзы Ахмеда, и статью М. Ф. Гаврилова «Страничка из истории Якуб-бека Бадаулета — правителя Кашгарии», в которой дан краткий пересказ содержания рукописи Муллы Мирзы, сына муллы Исы-Мирзы-баши, — одного из ближайших помощников Якуб-бека⁴.

Публикуемая ниже рукопись «Ресалэ-и-Якуби» по своему характеру и по степени достоверности может быть поставлена в один ряд с источниками, указанными выше.

Автор «Ресалэ», Камиль-хан-ишан, сын казия Низам-уд-дин-хана, по его собственным словам, «прожил много лет при Бадаулете Мухаммеде Якуб-беке и в кругу близких к нему людей и потому знаком с жизнью Бадаулета от рождения до кончины его. Некоторые из событий он видел сам, о других же он знает по слуху». По свидетельству Мирзы Ахмеда, ташкентский казий Низам-уд-дин был зятем Якуб-бека. Камиль-хан-ишан был политическим советником Якуб-бека. Он бывал в Турции, Мекке и Индии⁵.

Как и другие источники мемуарного типа, «Ресалэ-и-Якуби» несвободна от дефектов, присущих последним. Субъективный подход к событиям, тенденция оправдать себя и очернить противников — все это имеет место в «Ресалэ».

Особенностью «Ресалэ» является то, что автор чрезмерно идеализирует личность Якуб-бека, рисуя его мудрым, храбрым и великодушным правителем.

«Ресалэ-и-Якуби» найдена нами в бумагах Н. И. Гродекова при ознакомлении с архивным фондом Щепкина в отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве.

Рукопись писана по-узбекски, крупным насталиком; по формату представляет собой тетрадь in quarto из белой бумаги евро-

³ Записки ВОИРАО. Т. XI, стр. 87—103. СПб. 1899.

⁴ Сборник «В. В. Бартольд», стр. 125—132. Ташкент. 1927. Рукопись написана по поручению М. Ф. Гаврилова; хранится в Государственной Публичной библиотеке Узбекской ССР в Ташкенте.

⁵ Веселовский Н. Цит. статья, стр. 95—101.

нейского происхождения¹. К рукописи приложен индекс не подлинный перевод ее на русский язык. Ниже мы публикуем «Ресалэ» в этом переводе, предварительно свернув его с подлинником, выправив и отредактировав. Мы опустили все явно недостоверные места, а также все моралистические и панегирические отступления автора и оставили лишь то, что так или иначе уточняет наши представления о социально-историческом процессе, протекавшем на территории Кашгарии.

И. Первышев.

Отец Якуб-бека родился в Кучкеке². Его имя было Мулла Мир-Латиф-бек, казий³. Он был сыном Мир-Фулад-бека, сына Мир-Хусейна. Каждый из них в свое время был у сородичей сердаром или другим знатным лицом. Мулла Мир-Латиф-бек, казий, жил в Пекенте⁴. Для окончания курса наук он отправился в Бухару, где некоторое время служил мударрисом в одном из медресе. Затем он вернулся в Пекент, где также был мударрисом. Из Пекента он поехал в Коканд, где получил назначение на должность казия в Капа⁵; в район его ведения входили также Ош и Узгент⁶.

В 1038 г. родился Якуб-бек⁷. Ему было 15 лет, когда отец его переехал со всем семейством из Капа в Пекент. Здесь мальчик поступил на службу к Гедай-баю, парваначи⁸, кереучинскому хакиму. Молодой нукер пользовался благосклонным вниманием со стороны начальства⁹. После того

¹ Рукопись окончена 1 Ашура 1305 г. хиджры (1888 г.). На подлиннике имеется надпись по-русски: «От Бек-кули-бека».

² Кучкек — название кишлака.

³ Имя отца Якуб-бека частично подтверждается данными Мирзы Ахмеда. Последний говорит о Латифе (Н. И. Веселовский. Цит. соч., стр. 94).

⁴ Пекент — большой кишлак в 50 км от Ташкента, по дороге в Ходжент.

⁵ Капа — кишлак в районе Оша.

⁶ По свидетельству Мирзы Ахмеда, отец Якуб-бека был сослан в Капа правителем Коканда Алим-беком.

⁷ В рукописи — 1038 год, что явная ошибка. Следует читать 1238 г. хиджры (1822—1823). Эта дата будет в соответствии с примерными подсчетами Куропаткина, по словам которого в 1876 г. Якуб-беку на вид было около 50 лет (А. Н. Куропаткин «Кашгария», стр. 132. СПб. 1879).

⁸ Парваначи — высший военный чин в Кокандском ханстве.

⁹ Это расходится с показаниями Мирзы Ахмеда. Последний утверждал, что, потеряв родителей в детстве, Якуб-бек остался на попечение своего дяди и поступил в служители к мингбашни Гедай-баю, а затем к ходжентскому беку Мухаммед Керим Кашка. По сведениям Куропаткина, потеряв родителей, Якуб-бек стал бачей, был увезен в Коканд, где переходил из рук в руки, пока не попал к Мухаммед Керим Кашка. См. Куропаткин. Цит. соч., стр. 132 и 133.

как Гедай-бай, отказавшийся подчиниться Коканду, бежал в Бухару, хакимом Кереучи¹⁰ был назначен Мухаммед Керим Кашка, парваначи. Якуб-бек протолкал служить при нем нукером. Когда кишлаки завладели Кокандом и всей Ферганской долиной, мингбашни Мусульман—Кул—посадили на ответственные должности своих людей.

В Кураму¹¹ он назначил кишлака Нар Мухаммеда, парваначи, а в Ташкент — Азиза, парваначи. Якуб-бек остался служить Нар Мухаммеду, парваначи. Когда Азиз, парваначи, отложился от Коканда и начал против него военные действия, Нар Мухаммед выступил из Кереучи и произвел ночное нападение на Ташкент. Взяв город, он захватил в плен Азиза, парваначи, и отослал его в Коканд.

Якуб-бек хорошо служил Нар Мухаммеду и достиг при нем чина юзбашни¹².

Одмажды жившие вокруг Ташкента казахи подняли восстание и осадили Ташкент. Якуб-бек проявил в борьбе с ними большую храбрость. Во время сражения лошадь Якуб-бека была убита, и он должен был сдать в плен. Его посадили в Ниязбекскую крепость¹³. Вырвавшись из плена, Якуб-бек явился к Нар Мухаммеду, парваначи, который произвел его в пансад-башни¹⁴. Вскоре после этого Нар Мухаммед назначил его начальником крепости в Чиназе. Из Чиназа он был переведен в Аулие-Ата, а затем в Ак-мечеть¹⁵.

Из Ак-мечети Якуб-бек был отозван Нар Мухаммедом в Ташкент. Оставив вместо себя начальником крепости Абдувалидадо¹⁶, Якуб-бек приехал в Ташкент, где стал ближайшим советником Нар Мухаммеда.

В 1266 г. Керим-кул, дасторханчи, возмутился против мингбашни Мусульман-кула и с отрядом в 20 человек ушел в Ташкент к Нар Мухаммеду. Ташкент отложился от Коканда. Мусульман-кул собрал войско со всей Ферганы и пошел на Ташкент. Нар Мухаммед, бывший в то время кушбеги, пожаловал Якуб-бека чином бека дур-башни и подчинил ему всю хозяйственную часть армии. Мусульман-кул расположился в окре-

¹⁰ Кереучи — кишлак.

¹¹ Курама — кишлак.

¹² Юзбашни — командующий сотней, средний военный чин в Кокандском ханстве.

¹³ Ниязбек — кишлак в 25 км к северо-востоку от Ташкента.

¹⁴ Пансад-башни — командующий пятьюстами человек, старший военный чин в Кокандском ханстве.

¹⁵ Излагая содержание рукописи Муллы Мирзы, М. Ф. Гаврилов писал, что пребывание Якуб-бека на должности начальника крепости Ак-мечеть совпало по времени с господством временщика Алим-кула. Между тем Якуб-бек был беком Ак-мечети в 1850 или 1852 г.; когда временщиком был Мусульман-кул, Алим-кул же выдвинулся позже.

¹⁶ При нем Ак-мечеть была взята русскими (1853 г.).

стностях города Ташкента, производя время от времени нападения на город.

Однако его положение было непрочным: войско мало-помалу разбегалось: вылазки ташкентцев становились все более ощутительными. Якуб-бек разогнал, наконец, остатки войска Мусульман-кула¹.

В Коканде к этому времени узбеки взяли верх над кипчаками и злоупотребляли своей победой: грабили и убивали. Войдя в Коканд во главе многочисленного войска, Якуб-бек остановил резню. Затем он возвел на трон Худаяр-хана; общее волнение улеглось, и население вернулось к своим занятиям. Худаяр-хан пожаловал Якуб-беку должность хакима в Ходженте².

Якуб-бек отправился в Ходжент и управлял им около года. Тем временем его завистники, окружавшие хана, добились того, что хан отдал распоряжение арестовать Якуб-бека и доставить его в Коканд. Для этой цели в Ходжент был командирован пансад-баши Камбар с отрядом в 200 всадников. Однако Якуб-беку удалось избежать ареста и бежать в Ура-тюбе³. Уратюбинский хаким хорошо его встретил и дал провожатых до Бухары. Приехав в Бухару, он явился к эмиру Насрулле-хану и был принят последним на службу. Вскоре же Якуб-бек принял активное участие в походе эмира против непоскорных кенегесцев. Услышав о нахождении Якуб-бека в Бухаре и о его боевых подвигах, Худаяр-хан раскаялся в том, что поверил клеветникам. Он пригласил Якуб-бека в Коканд и осыпал его благодеяниями⁴.

В 1275 г. (1858—1859 гг. н. э.), когда эмир осадил Ходжент, Худаяр-хан поставил Якуб-бека во главе 500 джигитов и отправил его на выручку Ходжента. Якуб-бек с честью выполнил эту задачу и был осыпан милостями хана.

Брат Худаяр-хана, Малля-бек, собрал в

¹ По свидетельству Мирзы Ахмеда, Нар Мухаммед был отозван в Коканд и вскоре убит. По сведениям Куропаткина, войско из Ташкента в Коканд было отправлено по требованию самого Мусульман-кула, но, дойдя до Коканда, оно отказалось подчиняться Мусульман-кулу; он был схвачен и выдан Худаяр-хану, который приказал расстрелять Мусульман-кула. См. Куропаткин. Цит. соч., стр. 134.

² По словам Мирзы Ахмеда, это было сделано по его ходатайству. Веселовский. Цит. соч., стр. 96.

³ Камиль-хан явно стремится оправдать Якуб-бека. Мирза Ахмед объясняет этот эпизод иначе, а именно: Якуб-бек составлял заговор против Худаяр-хана. В число участников заговора входили бухарский эмир, уратюбинский и хатырчинский беки и др. Худаяр-хану своевременно донесли об этом, и он принял меры к аресту Якуб-бека, но последнему удалось бежать в Бухару (Веселовский. Цит. соч., стр. 97).

⁴ Мирза Ахмед связывал возвращение Якуб-бека ко двору Худаяр-хана со своим заступничеством за него перед ханом. См. Веселовский. Цит. соч., стр. 97.

окрестностях Андижана войско из кипчаков и кара-киргиз; повел его против Коканда и взял город. Худаяр-хан бежал в Бухару, где поступил на службу к эмиру. Малля-хан начал править Кокандским ханством. Якуб-бек остался служить Малля-хану. Однажды он был призван Малля-ханом для совещания по поводу жалоб, поданных населением Курамы на кереучинского бека. Якуб-бек высказался за назначение в Кереучи нового бека и заявил, что он охотно принял бы это место. Малля-хан назначил его в Кереучи. Заявление Якуб-бека объяснялось тем, что он хотел быть подальше от Малля-хана, человека вспыльчивого и неуравновешенного. В Кереучи Якуб-бек пробыл недолго. Малля-хан скоро вернул его в Коканд и подчинил ему все войска и артиллерию. Якуб-бек занялся обучением сарбазов и артиллеристов, чтобы привести их в состояние боевой готовности.

В 1277 г. (1860—1861), когда хаким города Ура-Тюбе Абдул-Гафар-бек отложился от Коканда, Малля-хан отправил против Ура-Тюбе войско под начальством Якуб-бека.

Осада Ура-Тюбе продолжалась пять месяцев. На помощь ура-тюбинцам эмир выслал войско во главе с Ибрахим-Хаяль, парваначи из рода Мангыт. Якуб-бек одержал полную победу над бухарским и ура-тюбинским войсками. Разгромив Ибрахим-Хаяль, парваначи, и покорив Ура-Тюбе, он вернулся в Коканд, ведя за собой 500 пленников из рода Мангыт.

В 1278 г. (1861—1862) Малля-хан командировал Якуб-бека в Канаат-ша-аталыка в г. Туркестан для укрепления обороноспособности города. Приехав в Туркестан, они узнали о том, что в Коканде произошел переворот: около 20 заговорщиков, в том числе Шадман-ходжа и Худай Назар-дах⁵, в полночь ворвались в лагерь, в спальню Малля-хана, изрубив его на куски и возвели на трон Ша Мурада⁶.

Оба сердара решили выждать дальнейшего развития событий. Худаяр-хан, узнав о перевороте, направился в Ташкент и вызвал к себе Якуб-бека. Ташкентцы стали на сторону Худаяр-хана. Якуб-бек снова был назначен в Кереучи.

Когда Ша Мурад-хан узнал об укреплении Худаяр-хана в Ташкенте, он собрал войско из кара-киргиз и кипчаков и, поставив во главе его мингбаши Шадман-ходжи, отправил против Ташкента.

Дойдя до Кереучи, где находился Якуб-бек, Ша Мурад-хан осадил крепость. После продолжительной перестрелки Якуб-бек решил перейти на сторону Ша Мурад-хана. Хан взял его с собой в поход на Ташкент. Осада Ташкента длилась два месяца. Худаяр-хан обратился к бухарскому эмиру с просьбой о помощи. Эмир выступил с боль-

⁵ В подлиннике ошибочно — Худай-Назар-Дуст.

⁶ Ша Мурад-хан был племянником Малля-хана и сыном Сарымсак-бека. Переворот произошел в начале 1862 года. См. Навликин В. «Краткая история Кокандского ханства», стр. 193. Казань. 1886.

шим войском против Коканда¹, чем вынудил Ша Мурад-хана прекратить осаду Ташкента и отправиться в Коканд. На пути в Коканд Ша Мурад-хан назначил Якуб-бека начальником города Ходжента. Поклявшись в верности хану, Якуб-бек расстался с ним и поехал в Ходжент. Войско бухарского эмира подошло к Ходженту и осадило его с юга. С севера город был осажден Худаяр-ханом. Когда начался усиленный обстрел крепости, среди осажденных возник раскол. Большинство стояло за то, чтобы перейти на сторону эмира. Подчиняясь желанию народа, Якуб-бек вышел навстречу эмиру с делегацией от населения. Оставив Худаяр-хана в Ходженте, эмир взял Якуб-бека с собой в Бухару².

Через некоторое время Худаяр-хан пошел в поход на Коканд, где сидел Ша Мурад-хан с войском, состоявшим из кара-киргиз и кипчаков. Худаяр-хану удалось обратить в бегство войско Ша Мурад-хана. Кипчаки и кара-киргизы собрались в Андижане и выбрали своим предводителем кипчака Муллу Алим-кула. Худаяр-хан вступил в беззащитный Коканд. Отсюда он повел войско против Муллы Алим-кула, но потерпел поражение и был вынужден обратиться за помощью к эмиру бухарскому. Исполняя просьбу хана, эмир пошел со всеми своими силами на Коканд. Узнав о его приближении, Мулла Алим-кул отступил в горы Кара-Гульча.

Пробыв некоторое время в Коканде и убедившись в непримиримости кипчаков и кара-киргиз, эмир выступил в обратный путь. Якуб-бек остался в Коканде, не последовав за эмиром. После ухода эмира Мулла Алим-кул занял город Коканд, послал за Якуб-беком и предложил ему начальство над узбекским населением.

По совету Якуб-бека, он провозгласил кокандским ханом сына Матля-хана, Султана Саид-хана³. Утвердив Муллу Алим-кула в должности командующего войсками, Султан Саид назначил во все округа новых начальников. Кураминский округ достался Якуб-беку. Однако последнему недолго пришлось сидеть в Кереучи. Мулла Алим-кул вскоре же вызвал его в Коканд и сделал своим ближайшим помощником.

Тем временем русские продолжали двигаться с севера. Они уже завладели Туркестаном и Аулие-Ата и шли на Чимкент. Мулла Алим-кул в сопровождении Якуб-бека выступил против них из Коканда. В Чимкенте встретили русское войско и начали готовиться к бою.

Учитывая силу русских войск, Якуб-бек дал Мулле Алим-куду такой совет: «Лучше помириться с русскими, чем сражаться с ними. Русские имеют государственный строй, поэтому они сильны, а у нас его нет.

¹ По данным Наливкина, эмир пошел на Ходжент. См. Наливкин. Цит. соч., стр. 194.

² По Наливкину, Якуб-бек сдался не эмиру, а Худаяр-хану, который был послан эмиром против Ходжента. См. Наливкин. Цит. соч., стр. 194.

³ По Наливкину, это произошло во второй половине июля 1863 г. (стр. 200).

Обождем лет пять — десять, введем у себя такую же организацию, а потом посмотрим». Услышав такой совет, Мулла Алим-кул выхватил саблю и бросился на Якуб-бека, укоряя его в трусости, но все присутствовавшие стали просить за Якуб-бека, и он был пощажен.

Муллу Алим-кул приказал вступить в бой с русскими. Во время боя Якуб-бек совершил подвиги храбрости. Потерпев значительные потери, Мулла Алим-кул решил вернуться в Коканд. Бекем Чимкентской крепости он назначил Мирзу Ахмеда-кушбеги и ушел в Коканд, забрав с собой Якуб-бека.

Русские осадили Чимкент и открыли артиллерийский огонь по крепости. Не выдержав осады, Мирза Ахмед-кушбеги бросил крепость и бежал в Ташкент. Получив известие об этом, Мулла Алим-кул также приехал в Ташкент, чтобы принять меры к обороне города. Здесь он узнал о восстании в Кашгаре. Соперничая с Якуб-беком и боясь его, он дал ему поручение ехать в Кашгар. Якуб-бек отправился в Кашгар.

Когда он располагался с войском в кишлаке Минг-юл, правитель Кашгара Садык-бек, из кипчаков, вышел к нему навстречу и ввел в город. Вскоре Садык-бек увидел, что народ во всем подчиняется не ему, а Якуб-беку. Тогда он удалился в горы, собрал войско из кипчаков и кара-киргиз и пошел против Якуб-бека. Последний вышел из города и без труда разбил войско Садык-бека. Однако с китайцами, засевшими в гульбаге⁴, пришлось еще долго бороться.

С самого начала своего похода в Кашгарию Якуб-бек вошел в сношения с хакимами и сердарами Бадахшана, Шугнана и Дарваза Хаким Бадахшана, Джехандар-Ша, отправил в Кашгар на помощь Якуб-беку отряд в 500 всадников под начальством человека испытанной верности, сердара Мухаммеда Садыка. Последний остановился со своим отрядом в Янги-Гисаре. В это время к Кашгару приблизилось войско Садык-бека, состоявшее из 3—4 тысяч кара-киргиз и кипчаков. Собрав все свои силы и разместив их в местности Харам, Якуб-бек вызвал к себе из Янги-Гисара отряд Джехандар-Ша, а затем соединенными силами они двинулись против Садык-бека. Натиск армии Якуб-бека был настолько сильным, что войско Садык-бека сразу разбежалось. Сам Садык-бек вскоре же явился к Якуб-беку с повинной от всех окрестных кочевников.

К этому времени хакимы и сердары округов Ак-су и Куча⁵ с большим войском, состоявшим из дунган, подошли к Кашгару и расположились в местности Хан-Арык. Якуб-бек немедленно собрал 1500 всадников, пошел на Хан-Арык и на следующий день утром ударил на противника. Битва была долгой и упорной. Сам Якуб-бек был ранен, но несмотря на это продолжал оставаться на поле битвы. Противник был обращен в бегство; кашгарское войско пресле-

⁴ Гульбаг — цитадель.

⁵ В рукописи везде — Кучар.

довало его на расстоянии 3—4 ташей¹, убивая бегущих. Все поле было усеяно трупами дунган. В плен было взято 1500 человек, захвачено много оружия и военных припасов.

Одновременно продолжалась осада Янги-Гисарского гульбага, где отсиживались китайцы. Население Янги-Гисара и Янги-Шаара было настроено против китайцев. Когда Якуб-бек вызвал охотников участвовать в штурме Янги-Гисара, к нему явилось несколько тысяч человек. Был произведен подкоп под стены крепости, подведены мины и посредством взрыва их в стене гульбага была образована брешь. Войско Якуб-бека бросилось на штурм, и после ожесточенной борьбы крепость была взята. Возвратясь из Янги-Гисара в Кашгар, Якуб-бек продолжал осаду кашгарского гульбага, который также вскоре был взят при помощи взрыва мин. В это время пришло известие, что из Коканда на Кашгар движется большое войско. Выступление кокандского войска определялось следующими причинами: в Коканде в тот момент на ханском троне сидел Худай-кули-хан². Когда бухарский эмир с многочисленным войском приблизился к Коканду, Худай-кули-хан поспешно отступил в Ош. Эмир послал отряд в погоню за ханом. Не решаясь встретиться с бухарским отрядом, Худай-кули-хан перешел кашгарскую границу. Отсюда он тотчас послал Якуб-беку извещение о своем прибытии, в котором сообщал о своей готовности служить ему. Поверив его искренности, Якуб-бек принял его на службу и включил в состав войска, с которым он пошел на Яркенд. После двухмесячной осады Якуб-бек взял этот город. Отпраздновав эту удачу и ознаменовав ее раздачей щедрой милостыни, он собирался остаться в Яркенде на некоторое время. Однако это ему не удалось. Один из кокандских сипаев, Бек-Мухаммед-мингбаши, подготовил кипчаков и кара-киргиз, числом до 10 тысяч, самовольно, вопреки всем данным клятвам в верности, уйти в Кашгар.

Когда эти неблагодарные и клятвопреступные люди подходили к гульбагу, к ним навстречу вышел кипчак Куш-парваначи, поставленный Якуб-беком во главе гарнизона, и ввел их в крепость. Здесь они начали готовиться к встрече с Якуб-беком. Передав управление Яркендом Иса-ходже, последний бросился по следам Бек-Мухаммеда-мингбаши. Осажденные им в гульбаге кипчаки безуспешно произвели несколько вылазок.

Тогда они решили сдаться. Якуб-бек принял парламентарев и обещал вновь принять их к себе на службу, не применяя репрессий. Большая часть кипчаков оставила сво-

их вождей и примкнула к Якуб-беку, обещая ему верную службу. Бек-Мухаммед-мингбаши и Мавлян-дадхо со своими приближенными, в числе 16 человек, перевалили через горы в Фергану, где Худайр-хан приказал поймать их, казнить, а тела зарыть. Вскоре после этого Якуб-бек пошел походом на Марал-баши, в котором находилось 5 тысяч дунган. Осада длилась 40 дней и окончилась взятием крепости посредством взрыва мин и штурма.

Поручив начальство над этой крепостью Хаким-хан-Тюре, Якуб-бек опять осадил Яркенд. Дунгане не могли долго выдержать осаду; истощив силы на безуспешных вылазках, они вступили в переговоры, предлагая Якуб-беку сдать крепость, если им будет обещано свободное отступление в Куча. Якуб-бек принял это условие, и дунгане были выпущены из города с унижительными признаками поражения. Иса-ходжа провел их мимо Якуб-бека и заставлял низкими поклонами благодарить его за помилование.

Управление окрестными кишлаками Якуб-бек поручил надежным людям; хакимом Яркенда был назначен Мулла Юнус-джан-дадхо³.

После этого был объявлен поход на Хотан. Якуб-бек выступил со всем войском на Хотанскую дорогу и после длительного марша остановился на привал в кишлаке Зава. Узнав о нахождении Якуб-бека в Зава, правитель Хотана Хабибулла-ходжа выехал навстречу к нему, поцеловал руку и сделал богатое подношение. Щедро его наградив, Якуб-бек вместе с ним въехал в Хотан, где поселился в так называемом по-сольском замке (Ильчи-каласи). Однако Хабибулла-ходжа изменил Бадаулету. Он гайно разослал в окрестные города: Юрункаш, Каракаш, Керня и др.—письма с предложением прибыть в Хотан и захватить Якуб-бека. Хакимы указанных городов подступили с войсками к Ильчи-каласи. Сначала Якуб-бек решил применить тактику уговоров; несколько раз он высылал к повстанцам своих людей, которые пытались убедить собравшихся в бесполезности борьбы. Эта тактика не имела успеха. Толпа стала кидать в переговорщиков камнями и прогнала их палками. Тогда Якуб-бек решил строго наказать изменников. Солнце уже закатывалось, когда он выслал войско против бунтовщиков. Завязавшийся бой длился всю ночь. К утру ни одного противника не оставалось в живых. По случаю успеха Якуб-бек отслужил благодарственные моления и сделал большие жертвоприношения в пользу местных святынь⁴.

³ Мулла Юнус-джан-ташкентец, произведен в чин дадхо Алим-кулом, при Якуб-беке правил Яркендом. См. Куропаткин. Цит. соч., стр. 141.

⁴ По сведениям Куропаткина, история занятия Хотана рисуется иначе: Якуб-бек обманным путем завлек Хабибуллу в свой лагерь, где приказал зарезать. Тактику обмана он применял и при захвате других городов: Ак-су, Куча и др. См. Куропаткин. Цит. соч., стр. 141 и сл.

¹ Таш — мера длины, около 8 километров.

² Худай-кули-хан (по прозвищу Бельбагчи-хан) был выдвинут киргизами и кипчаками после гибели Султан Саид-хана. Однако кипчакам не удалось удержаться в Коканде, и они были вынуждены бежать в Кашгар. См. Наливкин. Цит. соч., стр. 203.

Хакимом Хотанского округа был назначен преданный Мир-Баба-дадхо¹; в помощь ему были даны опытные люди. Часть захваченной в Хотане добычи Якуб-бек роздал своему войску и знатным хотанцам. Испросив благословение дервишей, Якуб-бек выехал в обратный путь. Когда он вступил в пределы Яркендского округа, Мулла Юнус-джан-дадхо вышел из города навстречу Бадаулету, подержал ему стремя, помог сойти с коня и с почетом проводил в город. Обрадованный усердием дадхо и оказав ему щедрые милости, Якуб-бек пробыл в Яркенде четыре дня. Затем он выехал в Кашгар, где был встречен с неменьшими почестями. Много народа, улемов и военачальников вышло к нему навстречу. Якуб-бек остановился в гульбаге. Как и в других городах, он роздал в Кашгаре щедрую милостыню и подарки и совершил поклонение местным святыням: мазару Саид-Апака, Саид-Арслан-хана, Хазрат-Паша и др.

Примерно через год Якуб-бек приступил к покорению северных городов Кашгарии². Он двинул свое войско на Аксуйскую дорогу. В кишлаке Марал-баши он передал командование авангардом своему любимому сыну Бек-кули-беку, а сам пошел позади с главными силами.

Когда Бек-кули-бек достиг кишлака Ай-куль, правитель города Ак-су, Джемаль-уд-дин-ходжа, вывел все войска из города и расположился в боевом порядке на берегу реки Ак-су. Бек-кули-бек выступил из Ай-куля и, увидев приготовившегося к бою противника, немедленно отдал приказание начать бой. Первая схватка была безрезультатной. К этому времени подтянулись главные силы под начальством Якуб-бека, которые и решили дело в пользу кашгарцев. Бек-кули-бек преследовал противника до ворот города, ворвался в город на плечах отступавших в паническом бегстве войск Джемаль-уд-дина-ходжи, занял крепость и взял в плен Джемаль-уд-дина-ходжу и его приближенных сановников.

Якуб-бек, по всему обыкновению, милостиво обошелся с пленными, созвал через глашатаев народ, обратился к нему с увещанием и оказал различные милости. Бадаулет позаботился также о духовенстве, щедро осыпав его милостями и наградами.

Находившиеся в Ак-су выходцы из Куча бежали в Куча и рассказали там о всем происшедшем правителю города. Рашид-уд-дин-ходжа собрал совет военачальников, на котором порешили выслать против Якуб-бека 10 тысяч всадников под начальством двух преданных командиров.

Якуб-бек отправил в авангарде Бек-кули-бека, а сам пошел следом за ним. Ку-

чанское войско заняло позиции в Коштаме, а войско Якуб-бека — в Майда-Юлгу-не. Прошла ночь, наутро начался бой, в результате которого кучанское войско было рассеяно по степям и горам. Остатки его вернулись в Куча. Выехавший из Куча Рашид-уд-дин-ходжа дорогой узнал о полном поражении своего войска и тут же лишился чувств. Придя в себя, он присоединился к беглецам, направлявшимся в Куча. Якуб-бек преследовал бегущего противника, взял Куча и приказал доставить ему Рашид-уд-дина-ходжу. Последнего долго искали, пока, наконец, нашли в развалинах, посреди степи. Местные кучанские правители также были все переловлены и в оковах приведены к Якуб-беку. Последний обошелся с ними милостиво. Это было в 1282 году³.

Затем Якуб-бек разослал своих людей по окрестным кишлакам, чтобы они успокоили население; наградил войско деньгами из кучанской казны и сделал щедрое пожертвования в пользу местных мазаров.

Всех лиц, которые во время правления Рашид-уд-дина-ходжи отличились в сражениях против китайцев, Бадаулет приказал созвать и наградить еще более щедро чем своих воинов. Хакимом Кучанского округа он назначил Иса-ходжу, родственника Рашид-уд-дина-ходжи⁴.

Из Куча Якуб-бек направился в Ак-су. Население города собралось перед дворцом, радостно приветствуя своего хана. Проведя здесь несколько дней, Бадаулет двинулся в Кашгар. Хакимом Ак-су был оставлен Хаким-хан Тюре, сын Ишана-ходжи⁵. Хакимом Уч-Турфана Бадаулет назначил преданного ему Мухаммеда Баба-токсаба. Приняв от окрестных кара-киргизских биев и начальников подарки, Якуб-бек отдал их и приказал подчиняться распоряжениям Мухаммеда Баба.

Отсюда он поехал через горы, остановился в кишлаке Артуче, поклонился мазару святого Султана Сутука и Буграк-хана и роздал щедрую милостыню бедным. Прибыв в Кашгар, Бадаулет принял во дворце приветствия и поздравления всего народа. Представителям населения он приказал объявить, что ни один начальник не посмеет отступить от правил шариата под страхом самого сурового наказания.

К тому времени под властью Якуб-бека были следующие города с окрестными районами: Кашгар, Янги-Гисар, Яркенд, Кума, Хотан, Санджу, Марал-баши, Ак-су, Куча, Бай, Уч-Турфан, Артуч и др.

Хотанский хаким Мир-Баба-дадхо начал притеснять народ и поступать против ша-

³ Камиль-хан-ишан ошибается: это происходило в 1283 г. хиджры (1866—1867).

⁴ Его брата. См. Куропаткин, Цит. соч., стр. 142.

⁵ Камиль-хан-ишан ошибается: Хаким-хан Тюре был сыном Катта-Тюре, отравленного Якуб-беком. См. Куропаткин, Цит. соч., стр. 143.

¹ По другим источникам, хакимом Хотана был назначен Ниаз-бек, помогавший Якуб-беку овладеть Яркендом. См. Куропаткин, Цит. соч., стр. 141.

² По другим источникам, Якуб-бек отправился в поход на Куча летом 1867 года.

риата. Это стало известно Якуб-беку. Он немедленно сместил хакима, а на его место назначил яркендского уроженца Ниязбека, дав ему соответствующие указания.

Ряды войска Бадаулета все время пополнялись добровольцами.

Получив донесение о том, что дунгане, населявшие Тогсун и Куния-Турфан, опустошают окрестности Куча и все ближе и ближе подступают к самому городу, Якуб-бек стал готовиться в поход, как вдруг услышал, что дунгане ночью напали на Куча, взяли город и разграбили его. Кучанский хаким Иса-ходжа недолго оказывал сопротивление. Он бежал в Ак-су, преследуемый по пятам дунганями. Известие об этом вызвало ярость Якуб-бека, он решил основательно наказать дунган. Поручив своему любимому сыну Бек-кулибеку управление государственными делами и признав его своим наследником, Якуб-бек отправился в поход. Дня четыре он провел в Марал-баши. Здесь им было получено известие о том, что Аксуйский хаким Хаким-хан Тюре, выступивший против дунган, разбит наголову и бежал сначала в Ак-су, а потом в кишлак Кызыл. Дунгане заняли было город Ак-су, но, узнав о приближении войск Якуб-бека, тотчас оставили этот город, отступив к Тогсуну. Бадаулет со всем войском и артиллерией беспрепятственно вошел в Ак-су и отдал приказание неотступно преследовать дунган и жестоко с ними расправляться. Дунгане, охваченные паническим ужасом, бежали днем и ночью, проходя за один день трехдневный путь. Не останавливаясь в Курля и Карашаре, они бежали, пока не достигли Тогсуна. Кашгарское войско, посланное в погоню за ними, остановилось в Карашаре, крепости, заложной калмыками. Отсюда Якуб-беку было послано донесение. Бадаулет шел позади, имея в своем распоряжении 12 тысяч человек воинов.

Прибыв в Куча, Бадаулет выслушал жалобы населения города на дунган, распорядился раздать хлеб и другие продукты питания и принял меры к успокоению населения. После этого он в сопровождении телохранителей спешно выехал на Куния-Турфан. Войско следовало за ним на некотором расстоянии.

Достигнув крепости Карашар, Бадаулет приказал заготовить там провиант и фураж для войска и направить все силы на Тогсун. Сам же с авангардом и телохранителями двинулся дальше. При Айгыр-булаке авангард был встречен градом стрел. Бадаулет ответил залпами из ружей и пушек. От сильной стрельбы ясный день стал подобен темной ночи. С обеих сторон было много потерь. После стремительной атаки войско дунган было отброшено к Тогсуну. Якуб-бек захватил много пленных, с которыми обошелся очень милостиво. Опросив их о положении городов Куния-Турфана и Урумчи, он отпустил их в разные стороны, снабдив одеждой и питанием на дорогу. Подступив затем к Тогсуну, Якуб-бек осадил его со всех сторон.

После непродолжительной осады город был взят штурмом. Захваченные в плен дунгане были отпущены невредимыми. Жителям города были оказаны различные милости. Затем Якуб-бек направил войско на Куния-Турфан. У кишлака Дадин, вблизи Куния-Турфана, войско Бадаулета подверглось внезапному нападению дунган. Начался бой, в результате которого дунгане бежали в Куния-Турфан. Бадаулет осадил Куния-Турфан. Осажденные дунгане произвели несколько вылазок, но каждый раз были отбрасываемы. Осада города затянулась на целый год. Взяв Куния-Турфан, Бадаулет поступил с населением города милостиво; повсюду был учрежден суд по шариату. Такой справедливости население города давно уже не видывало.

Пробыв некоторое время в Куния-Турфане, Якуб-бек выступил против Урумчи, в котором засел дунганский отряд под начальством Дауда Хальфы. Бадаулет предвидел, что Дауд Хальфа может зайти ему в тыл и завладеть Куния-Турфаном. Поэтому он спешил сразиться с ним и разбить его. Приехав в кишлак Ур-тенга, Якуб-бек стянул к себе войска со всех ближайших городов. Собралось такое количество войска, что людьми наполнились степи и горы. Якуб-бек выслал отряд для захвата крепости Диванчи, принадлежавшей к Урумчинскому округу. После трехдневной осады отряд взял крепость и продолжал двигаться на Урумчи. Дауд Хальфа в свою очередь выслал отряд из Урумчи, чтобы преградить путь войску Якуб-бека. Завязался бой, в котором отряд Бадаулета одержал полную победу. Дунганский отряд отшел к городу. Отряд Якуб-бека остановился недалеко от города в укреплении Даки-Юнус. Прошла ночь. На следующее утро начался бой главных сил, который тянулся с перерывами несколько дней. Осажденные делали частые вылазки. Якуб-бек приказал завалить ворота крепости снегом, чтобы лишить осажденных возможности делать вылазки. Осада продолжалась девять месяцев, после чего урумчинцы сдались на милость победителя. Якуб-бек принял их заверения в верности, оставил начальником крепости Дауда Хальфу и ушел в Кашгар. На пути он остановился в Тогсуне и прожил там около месяца. Хакимом Куния-Турфана он назначил Хаким-хана Тюре, а в Тогсун был послан преданный ему дадхо Джехач. В Карашаре, по приказанию Бадаулета, была построена новая крепостная стена. Начальником Карашарской крепости был назначен пансад Нияз-бек.

В степях, окружающих Карашар, в то время кочевало до 10 тысяч кибиток калмыков. Все они выказали полную покорность Якуб-беку и отправили ему богатые подарки. Отдарив их в свою очередь, Бадаулет поставил начальником над ними Нияз Мухаммеда, пансада.

Из Карашара Якуб-бек переехал в Курля, где он пробыл 15 дней, чиня суд, по шариату, и расточая милости.

Отсюда он отправился в Куча, где увидел, что жители, которым ранее он ока-

зал милости, приобрели много имущества и стали состоятельными людьми. Войско Куча и все население города с радостью приветствовали Якуб-бека. В Куча Якуб-бек пробыл долго. Он пригласил отовсюду столяров, кузнецов, ружейных и пушечных мастеров, построил мастерские, казармы и т. п. Поручив управление Кучанским округом преданному человеку, Тохта-беку, он поехал в Кашгар. По дороге дней на 10 он остановился в кишлаке Дабас для производства суда. Здесь он также приказал построить казармы и мастерские. Оставив начальником гарнизона в кишлаке Дабас Мухаммеда Эмин-бека, Бадаулет направился через город Бай в Ак-су. Здесь он был встречен с почетом жителями города и духовенством.

В Ак-су Якуб-бек пробыл почти шесть месяцев¹. Он находился еще там, когда получил известие о том, что урумчинский хаким Дауд Хальфа вновь отказался подчиняться распоряжениям Бадаулета. Якуб-бек хотел лично наказать хакима, но преданные ему люди упрашивали его отправить сначала кого-либо другого и только в случае неудачи выступить лично. Якуб-бек согласился с их мнением, вытребовал из Кашгара своего сына Бек-кули-бека и, назначив его главнокомандующим всего войска, отправил его в поход на Урумчи.

В 1290 г. (1873—1874) Бек-кули-бек выступил в поход, привязав к себе сердца воинов щедрой раздачей подарков. Пробыв около 10 дней в Тогсуне, Бек-кули-бек подступил к кишлаку Диванчи и занял крепость без единого выстрела.

Дауд Хальфа собрал в Урумчи большое войско и выступил с ним навстречу Бек-кули-беку. За 2½ таша от города он встретил кашгарцев залпом из пушек и ружей. Бек-кули-бек выдвинул свою артиллерию и также открыл пушечный и ружейный огонь. Дунгане бросились бежать. Бек-кули-бек бросил на них свои отряды и преследовал их до самых ворот Урумчи. Началась осада города. Через шесть месяцев Дауд Хальфа бежал, оставив гарнизон на волю победителя. Население города открыло ворота Бек-кули-беку. По примеру отца, он не причинял населению насилий и притеснений. Знатные люди города были награждены подарками. Урумчинским хакимом был назначен Турлы-кули-дадхо.

Взяв Урумчи, Бек-кули-бек повел войско против кишлака Кумадин, в котором засел отряд бежавших дунган. Осажденные ежедневно делали вылазки, которые не имели успеха. Через 50 дней крепость Кумадин была взята, после чего Бек-кули-бек вернулся в Урумчи. Пробыв здесь 10 дней, он выступил на Манас. После упорной борьбы он взял крепость Санджу, затем крепость Кути-бий и подступил к Манасу. Дунгане встретили войско Бек-кули-бека огнем артиллерии. После пятимесячной осады гар-

низон Манаса сдался. Бек-кули-бек поручил управление Манасом одному из местных дунганских военачальников, затем вернулся в Тогсун, пробыв некоторое время в Урумчи. Время Бек-кули-бека проходило в заботах об охране безопасности кочевников, живших в окрестных степях, в распределении жалованья войску и других делах.

Получив сообщение о том, что назначенный им начальник крепости в Манасе восстал и замышляет нападение на Урумчи, бек решил предупредить его: он выехал из Тогсуна, быстро миновал Диванчи и Урумчи и осадил дунган в Санджу. Через четыре дня крепость Санджу была взята приступом. Взяв Кути-бий, Бек-кули-бек подступил к Манасу. Осада продолжалась долго. В результате крепость была взята. После праздника Курбан-байрам Бек-кули-бек выехал из Манаса в Кашгар. Назначив нового начальника крепости в Кути-бий, а также в Санджу, он приехал в Урумчи, где был встречен населением и военачальниками. В 1292 г. (1875) он уехал в Тогсун; здесь к нему явились гонцы от дунган, бежавших от китайцев и искавших у него защиты и покровительства. Бек-кули-бек приказал отвести дунганам землю в районе Куня-Турфана и оказать им помощь. Во время пребывания бека в Карашаре к нему явились с подарками представители калмыкских родов. Отдарив их, бек направился в Курля, откуда, уже нигде не останавливаясь, проехал в Кашгар.

Бек-кули-бек был принят отцом очень сердечно и радушно. По поводу благополучного возвращения после двухлетнего отсутствия сына, покрытого славою, отец устроил большое угощение всему народу и роздал щедрую милостыню. Видя в сыне достойного себе преемника, Якуб-бек поручил ему управление государственными делами в Кашгаре, а сам уехал в Ак-су. В это время появились слухи о приближении китайцев.

Якуб-беку донесли, что китайское войско численностью в 60 тыс. человек под начальством Дунтуня идет для расправы с бежавшими дунганями.

Якуб-бек решил дать отпор китайцам: он поехал в Карашар и отсюда выслал отряд для занятия Тогсуна. Затем он вызвал к себе двух сыновей: Ишан-кули-бека² и Хак-кули-бека. Каждому из них Якуб-бек поручил часть войска. Однако оба сына были неопытны. Ишан-кули-беку было не больше 16 лет, и ребячество еще не покинуло его. Хак-кули-беку было 28 лет. Он был высокого роста и сложен крепко, как слон, но развитие ума у него не соответствовало развитию тела. Друзья Якуб-бека, зная о недостатках обоих сыновей, были сильно удивлены назначением их на ответственные должности военачальников. Однако никто не посмел выступить против воли Бадаулета. Предводитель китайского войска прислал ультиматум, в котором тре-

¹ Якуб-бек устроил в Ак-су свою резиденцию. См. Куропаткин. Цит. соч., стр. 148.

² В других источниках имя Ишан-кули-бека не встречается.

бовал возвращения бежавших от него дунган: Лухидарина и Шухидарина¹.

Бадаулет отказался выполнить требования китайцев. Тогда они двинулись из Урумчи. Хак-кули бек, получив приказание привести крепость Диванчи в боевую готовность, выехал из Тогсуна и, осмотрев укрепления в Диванчи, решил, что надо строить крепость заново, на новом месте. Ни с кем не посоветовавшись, Хак-кули-бек приказал построить новую крепость, однако он выбрал неудачное место — у подошвы невысоких гор. Когда китайцы подошли к Диванчи и осадили ее, гарнизон крепости, видя, что дело проиграно, вышел и сдался на волю победителей.

В это время прибыл русский посол Куропаткин², Якуб-бек выехал навстречу ему в Курля. Хак-кули-бек находился в Карашаре. Под натиском китайцев Хаким-хан Тюре вынужден был покинуть Куния-Турфан. Оставив Куния-Турфан и Тогсун без защиты, он приехал в Карашар. Когда китайское войско заняло Тогсун, Якуб-бек потребовал Хак-кули-бека к себе. Боясь наказания, Хак-кули-бек отговаривался от поездки всякими предложениями.

Нияз-бек, хотанский хаким, таил в душе ненависть к Якуб-беку. Он вошел в тайные сношения с некоторыми из приближенных Бадаулета. Решив отомстить, он приехал в Курля и подсыпал яд в пищу Якуб-бека. В тот же день, вечером, когда Бадаулет бил своего мирзу за какую-то провинность, он вдруг упал³. Находившийся тут же Нияз-бек с помощью еще двух человек поднял Якуб-бека и отнес его во внутренние покои. О случившемся он сообщил только Хак-кули-беку и просил его поскорее приехать. Хак-кули-бек был замешан в убийстве своего отца, это подтверждается тем, что несмотря на несколько требований отца приехать к нему он не ехал, а теперь вдруг сразу приехал. Оставив тело отца во дворце, Хак-кули-бек взял его печать и вместе с Нияз-беком со-

ставил план захвата власти. Их план состоял в том, чтобы привлечь кашгарское войско на свою сторону и лишить Бек-кули-бека власти. Ими было составлено письмо к Бек-кули-беку с требованием о присылке войск с артиллерией под начальством Джамадара-дадхо. Письмо было написано от имени Якуб-бека и припечатано его печатью. Получив это письмо, Бек-кули-бек немедленно выслал войско под командой Джамадара-дадхо. Он узнал о смерти отца тогда, когда Джамадар достиг уже Марал-баши. Немедленно было послано последнему приказание вернуться. Когда войско вернулось в Кашгар, Бек-кули-бек объявил ему о смерти Якуб-бека и о замысле его противника Нияз-бек-хакима захватить власть в свои руки. Войско заявило о своей верности Бек-кули-беку и о готовности сражаться с любым противником.

Нияз-бек был хитрым и опасным противником. Он пытался обмануть Хак-кули-бека и с этой целью устроил дело так, что власть в Ак-суйском округе перешла в руки Хаким-хана Тюре. Сам же Нияз-бек бежал в Хотан, где объявил себя независимым от Кашгара правителем. Хак-кули-бек, захватив из Ак-суйской казны деньги, в сопровождении сотни сарбазов отправился в Кашгар; дорогой он наткнулся на разъезд Марал-башинского гарнизона и завязал с ним перестрелку, жертвой которой пал сам. Хаким-хан Тюре, погнавшийся за Хак-кули-беком, не догнал его и вернулся в Ак-су.

Бек-кули-бек начал борьбу с Хаким-ханом Тюре. Решительная схватка произошла у кишлака Чадыр-куль. В результате боя Хаким-хан Тюре обратился в бегство. Бек-кули-бек пошел после этого в Ак-су; здесь он назначил начальником крепости Абд-ур-Рахмана-дадхо, после чего вернулся в Кашгар. Покончив с Хаким-ханом Тюре, Бек-кули-бек начал борьбу с Нияз-беком, хотанским хакимом, которую завершил также успешно. Нияз-бек бежал к китайцам. Хакимом Хотана был назначен Мухаммед Эмин-бек, после чего Бек-кули-бек вернулся в Кашгар. Здесь его ожидало неприятное известие: за несколько дней до прибытия его в Кашгар китайцы, жившие в Янги-Шааре, захватили крепость и никого не впускали. В то же время китайские войска постепенно приближались к Кашгару, занимая город за городом. Они находились уже под крепостью Марал-баши, когда Бек-кули-бек начал борьбу с китайцами, засевшими в Янги-Шааре.

Во время осады Янги-Шаара войско Бек-кули-бека начало постепенно разбегаться. При нем оставалось человек 60—70. Он сделал еще попытку собрать войско, но, видя, что это не удастся, посоветовался с близкими людьми и бежал в Фергану. Это произошло в 1295 г. (1877). Отсюда он направился в Пискент, родину своего отца, где и живет, довольный своей судьбой.

¹ У М. Ф. Гаврилова упоминаются руководители дунган Шухидарин и Дахударин, но как бежавшие от Якуб-бека в пределы России. См. Гаврилов М. Цит. соч., стр. 127.

² Посольство Куропаткина прибыло в Кашгарю 25 октября 1876 г., а в Курля, где находился Якуб-бек, — 10 января 1877 года. См. Куропаткин. Цит. соч., стр. 5 и 6.

³ По свидетельству Мирзы Ахмеда, Якуб-бек умер от припадка во время избачения мирзы. Очевидцем его смерти был Нияз-бек-дадхо, яркендский бек, состоявший при Бадаулете заведующим финансами (Веселовский. Цит. соч., стр. 102). Версия отравления Нияз-хаким-беком подтверждается показанием Муллы Мирзы (Гаврилов. Цит. соч., стр. 129).

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪ ДОМОСТИ.

1го АВГУСТА № 30. 1872 ГОДА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Ташкентѣ. — Въ Конторѣ редакціи, (противъ Окружнаго Штаба, д. Логина).

Въ С.-Петербургѣ. — Въ книжныхъ магазинахъ А. Ф. Базунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ. — Въ нижнемъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб.

сер. съ пересылкою во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія обыкновеннымъ шрифтомъ — $\frac{1}{4}$ к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины — $\frac{1}{2}$ к. с. за букву, и т. д.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ, издаваемые на мѣстныхъ азіятскихъ нарѣчіяхъ, — 2 р. с.; съ пересылкою и доставкою на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬ- НЫЙ.

Двѣ поѣздки въ Кашгаръ съ караваномъ купца Кузнецова.

(переводъ съ татарскаго.)

Въ виду возникающихъ торговыхъ сношеній Россіи съ Джитышаромъ, считаемъ не лишнимъ привести рассказъ о тѣхъ притѣсненіяхъ, которымъ еще недавно подвергались наши торговцы въ Кашгарѣ. Рассказъ этотъ можетъ всего лучше убѣдить въ необходимости заключенія обязательнаго для Якубъ-бека торговаго договора, которымъ бы гарантировалась свобода и безопасность нашихъ купцовъ въ городахъ, подвластныхъ Якубъ-беку. Договоръ этотъ, какъ извѣстно, заключенъ 21-го мая, командированнымъ для этой цѣли въ Кашгаръ подполковникомъ барономъ Каульбарсомъ.

Приведемъ рассказъ татарина Ахмеджанова о его пребываніи въ Кашгарѣ:

«6-го августа 1869 года, мы на 17-ти верблюдахъ, навьюченныхъ чаемъ, отправились изъ Нарына въ Кашгаръ, не имѣя вожака, знающаго дороги; не взяли мы вожаковъ потому, что надѣялись на пути встрѣтить аулы кара-киргизъ, которые и могли указать намъ дорогу. Но оказалось на оборотъ: мы никого не встрѣтили на пути и по необходимости, возложивъ надежду на одного Бога, отправились по той дорогѣ, которая казалась намъ лучше и прямѣе. Мы избрали путь черезъ переваль Ташъ-рабатъ и возвышенности Тургаты, достигли сопки Той-тюбе, гдѣ встрѣтили трехъ всадниковъ, сторожевыхъ спаевъ Якубъ-бека. Они подѣхали къ намъ узнать: откуда мы идемъ, куда и зачѣмъ? Я объяснилъ, что мы алматинскіе, русскіе купцы, идемъ съ караваномъ торговать въ Кашгаръ. Сипай посовѣтовали намъ остановиться ночевать, увѣряя, что далѣе кормовъ не будетъ, и одинъ изъ нихъ отправился донести пограничному начальнику о нашемъ пріѣздѣ.

Черезъ часъ послѣ его отъѣзда, прибылъ къ намъ юзъ-баши Магомедъ-Керимъ съ десятью всадниками. Послѣ обычныхъ привѣтствій о здоровьѣ, онъ распросилъ подробно: что мы веземъ, сколько у насъ чаю, лошадей, верблюдовъ и людей и какъ кого зовутъ; все это онъ записалъ и приказалъ намъ обождать два дня, пока онъ донесетъ о пріѣздѣ нашемъ Якубъ-беку и получитъ отвѣтъ.

Мы прождали шесть сутокъ и только на седьмой день получили отвѣтъ, въ которомъ выражалась заботливость о нашемъ спокойствіи. Такъ напр., намъ передавалось, что дорога чрезъ курганъ Чакмакъ, весьма дурна, камениста и залита водою; Якубъ-бекъ не желалъ, чтобы мы, его гости, потерпѣли непріятности, а потому предлагалъ возвратиться обратно на горную теректинскую дорогу, которая, по его словамъ, вполне безопасна, и по ней уже идти далѣе, въ Кашгаръ. Впоследствии оказалось, что дорога, по кото-

рой мы шли, была очень хороша, а указанная намъ дорога весьма трудная; мы, конечно, послѣдовали указаніямъ Якубъ-бека, возвратились обратно и до перевала Теректинскаго шли шесть сутокъ. На перевалѣ выѣхали къ намъ на встрѣчу пять джигитовъ, для конвоирования нашего каравана, и доставили въ курганъ Исты, не дозволяя намъ дорогой ни съ кѣмъ разговаривать.

Въ этотъ курганъ пріѣхалъ къ намъ бекъ-Тюря-ходжа, со ста джигитами; войдя въ кошъ мой, онъ напился чаю и снова сталъ разспрашивать: откуда, куда и зачѣмъ мы ѣдемъ. На отвѣтъ мой, что мы русскіе купцы, ѣдемъ изъ Алматовъ торговать въ Кашгаръ, онъ замѣтилъ, что русскіе купцы ѣздятъ не торговать, а собирать свѣдѣнія о сосѣднихъ земляхъ и вообще имѣютъ дурныя цѣли. На это я просилъ, чтобы онъ прекратилъ подобный разговоръ, неприличный для торговца, и лучше рассказалъ бы о цѣнахъ на разные продукты, товары и прочее, потому что намъ ни до рѣкъ, ни до горъ надобности нѣтъ; мы пришли продать свой товаръ и закупить у нихъ товару. Затѣмъ Тюря-ходжа-бекъ, переписавъ все, что мы имѣли, и записавъ имена людей, уѣхалъ обратно. Онъ приказалъ намъ дожидаться распоряженій, оставивъ, для присмотра за нами, четырехъ сипаевъ.

Въ ожиданіи разрѣшенія Якубъ-бека, мы прожили въ бездѣйствіи 17 сутокъ. Мѣстность, на которой построены курганъ, каменистая; кормовъ совсѣмъ нѣтъ. На семнадцатые сутки было получено отъ Якубъ-бека дозволеніе идти далѣе, въ Кашгаръ, но только съ двумя работниками татарами; трехъ же киргизъ-работниковъ приказано было оставить въ курганѣ Исты; затѣмъ мы съ караваномъ, при двухъ чело-вѣкахъ прислуги отправились въ Кашгаръ и чрезъ два дня благополучно прибыли туда. Насъ ввели въ городъ ночью, вѣроятно изъ предосторожности, и помѣстили въ яркендскомъ караванъ-сарай. Во все время пути при насъ находилось трое сипаевъ для конвоирования.

Здѣсь мы прожили 60 сутокъ и все это время насъ никуда не выпускали; чай и товары наши взяли въ казну, заплативъ шелками, халатами и армячиной, послѣ чего мы и возвратились обратно въ Вѣрний.

Вторая поѣздка. (*)

2-го іюля 1870 г. мы снова выступили въ Кашгаръ дорогой, ведущей чрезъ проходъ Теректинскій. Не доходя верстъ десять до Теректинскихъ горъ, мы повстрѣчали караванъ, вышедшій изъ Кашгара, впереди каравана ѣхалъ юзбаша, по имени Али-ахунъ, съ двумя сипаими. Намъ не дозволили переговорить съ людьми этого каравана, а одного чело-вѣка, осмѣлившагося отдѣлится отъ своего каравана и заговорить съ нами, прибили и прогнали обратно. Эти люди проводили насъ до кургана Исты, гдѣ уже дожидалъ насъ послѣдній изъ Янгичара бекбачю (***) юзбаша Мидь-Назырь, съ четырьмя джигитами, съ чаемъ и хлѣбомъ. Этотъ юзбаша встрѣтилъ и привѣтствовалъ насъ съ подобающей важностью, строго распрашивалъ о количествѣ привезеннаго чая, о числѣ верблюдовъ, лошадей и людей; записавъ все это, онъ отправилъ донесеніе это бекбачю.

На другой день, рано утромъ, Мидь-Назырь, поднявъ нашъ караванъ, повелъ по направленію къ Кашгару; на каждомъ ночлегѣ онъ заказывалъ для насъ барана и вообще распоряжался, чтобы мы ни въ чемъ не нуждались.

Подъѣзжая къ Кашгару, мы встрѣтили правителя г. Кашгара Алдашь-бека, выѣхавшаго на зиратъ (***) называемый Купельшъ-ходжа. Онъ приказалъ намъ остановиться и помѣстилъ насъ въ другомъ зиратѣ, называемомъ Кара-ханъ-падшахъ, говоря, что четвергъ въ Кашгарѣ базарный день, а улицы тѣсны, и потому можно двинуться въ путь не раньше вечера. Дѣйствительная цѣль его была продержатъ насъ до темной ночи, чтобы не дать возможности днемъ рассмотреть Кашгаръ.

Въ городѣ намъ отвели помѣщеніе по прежнему въ яркендскомъ караванъ-сарай, гдѣ я уже стоялъ и въ 1869 году. Здѣсь насъ хотя и оставили безъ караула, но Мидь-Назырь юзбаша поручилъ сарайбаша, т. е. содержателю сарая, Садыкъ-ахуну никого къ намъ не допускать и не дозволять намъ ни съ кѣмъ разговаривать, если же мы будемъ о чемъ нибудь просить, то докладывать о всемъ Рахметъ-улла, помощнику Алдашь-бека. На просьбы наши позволить намъ начать торговлю, Рахметъ-улла просилъ немного обождать, и покуда, до разрѣшенія, никуда не выходить. Въ тоже время послано было къ Якубъ-беку донесеніе о прибывшемъ русскомъ караванѣ на ста верблюдахъ.

(*) Съ караваномъ купца Нѣмчинова.

(**) Бекбачю, т. е. сынъ бека; такъ народъ называетъ сына Якубъ-бека, имя котораго Бекъ-кулы.

(***) Тоже, что *мазаръ*, т. е. могила святаго.

Во время пріѣзда нашего, самъ Якубъ-бекъ находился въ Акеу, а потому, по приказанію Алдашь-бека и Рахметъ-улла, мы должны были ожидать, пока придетъ оттуда разрѣшеніе намъ начать торговлю; черезъ недѣлю послѣ пріѣзда нашего въ Кашгаръ, взяли съ привезеннаго нами чаю закятъ, съ сорока—одно мѣсто, т. е. пять мѣстъ съ 200 (*).

Послѣ этого я снова просилъ Алдашь-бека позволить намъ продавать чай; но онъ дозволилъ только продать секретно нѣсколько мѣстъ чай, чтобы пріобрѣсти деньги на необходимые расходы. По этому я ночью продавалъ по сорока тиллей за мѣсто, тогда какъ базарная цѣна чая была по 50-ти тиллей; но намъ было запрещено продавать по такой цѣнѣ. Когда мы продали 12 мѣстъ, Алдашь-бекъ снова прислалъ приказаніе: не продавать болѣе чаю, а тѣхъ, кто явится въ сарай, для покупки, отсылать къ нему.

Черезъ четыре мѣсяца ожиданія, однажды насъ позвали въ закятный домъ, къ Рахметъ-улла, который сказалъ Кериму, хозяину верблюдовъ каравана, чтобы онъ отправилъ верблюдовъ обратно, а самъ остался; мнѣ же онъ объявилъ, что я могу продавать чай, и, что на это получено разрѣшеніе Якубъ-бека. Дня черезъ два послѣ того Рахметъ-улла пригелъ ко мнѣ двухъ купцовъ аскакаловъ и, по уговору съ ними, назначилъ таксу; за столбъ чай атбаша по 20 тиллей; но Алдашь-беку и это еще показалось дорого; онъ приказалъ продавать чай не дороже 18-ти тиллей за столбъ, объявивъ всемъ, чтобы дороже этого не платили, подѣ страхомъ подвергнуться въ противномъ случаѣ смертной казни и конфискаціи имущества. Послѣ такого приказанія, конечно, никто изъ купцовъ не смѣлъ покупать чай безъ разрѣшенія начальника.

Затѣмъ черезъ два дня я снова былъ позванъ къ закятца Рахметъ-улла, который объявилъ мнѣ, что чай мой, по приказанію Якубъ-бека, возмутъ весь въ казну; на это я отвѣчалъ, что они могутъ купить у меня чай, но что я не могу отдать его иначе, какъ за наличныя деньги, по базарной цѣнѣ, т. е. по 25-ти тиллей за штуку. Мнѣ не хотѣли дать болѣе 18 тиллей, и, когда я не согласился, Рахметъ-улла ушелъ съ угрозами, ничѣмъ однако не порѣшивъ дѣла. Вечеромъ того же дня снова пришелъ Рахметъ-улла и просилъ отдать чай въ казну по 18 тиллей, увѣрялъ клятвенно, что отдастъ деньги черезъ десять дней; но я по прежнему не соглашался, не смотря на его клятвы и увѣренія, что онъ заплатитъ не товаромъ, и не золотомъ или серебромъ, а красными ярмарками. Я хорошо зналъ, что онъ обмацываетъ и не заплатитъ ярмарками, а будетъ платить золотомъ и серебромъ, что принесетъ намъ убытокъ при промѣнѣ на ярмарки, на которые производится торговля на базарахъ кашгарскихъ. Тогда Рахметъ-улла разсердился и сказалъ, что я не могу самопроизвольно торговать, и долженъ дѣлать такъ какъ приказано; что онъ обязанъ привести въ исполненіе волю Якубъ-бека, и если сначала просилъ меня, а не приказывалъ, то этимъ хотѣлъ только показать ко мнѣ свое уваженіе и довѣріе. Теперь же, какъ говорилъ Рахметъ-улла, онъ и безъ личнаго согласія моего исполнитъ то, о чемъ прежде просилъ. На это я сказалъ ему, что онъ можетъ взять силою все наши товары, но что добровольно я своего чая не отдамъ ему.

Въ ту же ночь, часовъ въ 12, Рахметъ-улла пришелъ ко мнѣ съ 25 сипаими и приказалъ выносить изъ сарая чай, котораго и унесли 64 мѣста. Противъ такого насилія я, конечно, не могъ ничего сдѣлать. При этомъ Рахметъ-улла сказалъ мнѣ, чтобы остальной чай я продавалъ, оканчивалъ свои дѣла и собирался въ Алматы, а не рассчитывалъ тутъ долго оставаться; за взятый же въ казну чай онъ обѣщалъ заплатить деньги черезъ десять дней.

Хотя я былъ увѣренъ, что все, сказанное имъ, было ложь и обманъ, но, выждавъ назначенный десяти-дневный срокъ, и не получивъ денегъ, я однако отправился къ нему просить уплаты; на это Рахметъ-улла мнѣ отвѣчалъ, что о взятомъ въ казну чаѣ донесено Якубъ-беку и, когда будетъ получено отъ него приказаніе, тогда деньги мнѣ тотчасъ же будутъ уплачены. На всѣ послѣдующія мои просьбы онъ отвѣчалъ, что отвѣта еще не получено; такимъ образомъ я прождалъ цѣлый годъ.

По истеченіи года, мнѣ вздумали платить и, вмѣсто обѣщанныхъ денегъ—ярмаковъ, стали предлагать получить уплату шелкомъ, но я на это не согласился. Тогда позвали лично меня самага, и приказывали получить шелкъ; на это я сказалъ имъ, что они могутъ снять съ меня голову, но я все таки не возьму шелкъ въ уплату. «Не хочешь получить шелкомъ», отвѣчали мнѣ, такъ нѣтъ для тебя и денегъ!» Я настаивалъ на своемъ и не соглашался взять шелкъ, говоря, что у насъ,

(*) Мѣстомъ называются два столба чая-атбашъ, въсомъ 4½ пуда.

въ Россіи пудъ шелку стоитъ 50 рублей, они же ставили его, на русскія деньги, въ 120 рублей. Види, что я не возму шелкъ, кашгарскія власти передали его сартамъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ того предложили мнѣ получить плату ямбами, называемыми *сомъ-кюмошг* и *сомъ-алтунъ*, т. е. изъ серебра и золота, смѣшаннаго съ мѣдью, по цѣнѣ во 125 рублей каждая на русскія деньги, между тѣмъ какъ такія ямбы на ихъ базарѣ ходили въ 65 руб. 50 к. Я, конечно, не могъ согласиться получить ямбы въ убытокъ себѣ и енова откзался, напомнивъ Рахметъ-уллѣ его клятвенное обѣщаніе уплатить не иначе, какъ красивыми ярмаками, что онъ даже подтвердилъ мнѣ тогда, когда насильно отобралъ мой чай. Я просилъ или отдать мнѣ тѣмъ, чѣмъ обѣщано, или же уплатить золотомъ и серебромъ, но по базарной цѣнѣ, съ тѣмъ однако, чтобы и взятый у меня чай былъ сосчитанъ также по базарной цѣнѣ. Въ то время стоилъ чаю на базарѣ продавался уже по 32 тилля. Наконецъ просилъ я дозволить мнѣ ѣхать самому къ Якубъ-беку, въ Аксу и получить отъ него личное приказаніе. Я говорилъ Рахметъ-уллѣ: «зачѣмъ мнѣ дѣлаютъ такія притѣсенія, когда я выполнилъ въ точности всѣ приказанія: заквету и заплатилъ столько, сколько было назначено; не приказывали мнѣ выходить на улицу -- и не выходилъ. За нами присматривали строго -- и ничего дурнаго не замѣтили.» На это мнѣ сказали, что дѣйствительно, дурнаго и ничего не сдѣлалъ, но таково приказаніе Якубъ-бека.

Жалобы и доводы мои однако никого не убѣдили; всѣ прочіе караваны были выпущены и ушли; оставался одинъ нашъ караванъ. Какъ мнѣ кажется, кашгарцы дѣлали всѣ притѣсенія единственно съ цѣлью запугать русскихъ купцовъ и отнять у нихъ охоту приходиться съ караванами въ Кашгаръ на будущее время.

Наконецъ начали платить и мнѣ, за взятые товары, спросивъ предварительно: не состоитъ ли я кому нибудь должнымъ? Я отвѣчалъ, что долженъ только по мелочамъ и расплачусь самъ, большихъ же долговъ не имѣю; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, я дѣйствительно, долженъ былъ 50 т. тенегъ (*) на кашгарскія деньги. Скрылъ я этотъ долгъ изъ опасенія, чтобы людей, которые меня одолжали, не подвергнули наказанію за сношенія со мною, а можетъ быть даже -- и казни, за содѣйствіе русскимъ купцамъ. Сколько у меня ни выспысывали, какъ ни запугивали, однако ничего не могли дознаться; я расплатился съ моими долгами и возвратился благополучно; поддайся я страху, понесъ бы большіе убытки!

Предвидя впередъ всѣ притѣсенія, я еще за восемь мѣсяцевъ до отъѣзда изъ Кашгара, накупилъ бязей и нужныхъ для меня товаровъ, залаковалъ ихъ въ кошмы и сложилъ на особой квартирѣ, въ городѣ. Для этого-то я и занялъ у одного кашгарца 50 т. тенегъ, на которыя закупилъ на базарѣ, называемомъ, Ханъ-арыкъ, 40 т. бязей, а также подрядилъ возчиковъ съ 82 верблюдами и 11 лошадьми, отдалъ имъ задатокъ и заключилъ условіе, обизавшись заплатить условленную цѣну по полученіи отъ Якубъ-бека денегъ. Возчики также ожидали 8 мѣсяцевъ и никто объ этомъ не зналъ; иначе возчики, конечно, были бы отъ меня отобраны. Благодаря скрытности, я успѣлъ окончить всѣ свои дѣла благополучно.

Думая, что я не успѣлъ ничего купить, кашгарское начальство сначала отдало мнѣ половину долга деньгами -- ярмаками. Хозяинъ мой, г. Нѣмчиновъ отравилъ со мною въ Кашгаръ подарки: два американскіхъ бобра, кусокъ бархата, золотые и двое серебряныхъ часовъ. Сначала никто отъ меня не принималъ подарковъ, а передъ отъѣздомъ стали просить передать эти подарки бекбачъ или Адашъ-беку, увѣряя, что такъ приказалъ Якубъ-бекъ. На это я отвѣчалъ, что хозяинъ мой послалъ подарки, для того, чтобы его торговыхъ людей не обижали. Но намъ не было дозволено торговать свободно, продержали насъ почти два года и товаръ нашъ отобрали насильно; по этому я и не нахожу нужнымъ отдавать подарковъ. Отвѣтомъ моимъ сильно оскорбились и всѣ удивились моимъ смѣлымъ рѣчамъ. Дальнѣйшихъ притѣсеній однако не было.

Вечеромъ Адашъ-бекъ прислалъ ко мнѣ 15 сипаевъ, съ приказаніемъ: сдѣлать лошадей и выючить верблюдовъ для выѣзда изъ Кашгара. Намъ приказано было тотчасъ же отправляться. Думая, что этимъ хотятъ только застрашать и напугать насъ, я обратился къ старшему изъ сипаевъ и просилъ его сказать правду: дѣйствительно ли приказано выпроводить насъ въ эту же ночь за городъ? Сипай подтвердилъ все это. Дѣлать было нечего; мы стали собираться и выючиться, не имѣя никакихъ дорожныхъ запасовъ, и къ полуночи вышли изъ города, остановились въ верблюжемъ

сараѣ, гдѣ и прожили трое сутокъ, оканчивая свои дѣла и закупая нужные запасы. Ночью, когда сипай выпроваживали насъ изъ Кашгара, пріѣхалъ Рахметъ улла и черезъ двери бросилъ мнѣ 19 ямбъ серебряныхъ и 9 золотыхъ, сказавъ бывшимъ тутъ сартамъ, чтобы они были свидѣтелями того, какъ онъ заплатилъ намъ долгъ. Считая отданное имъ мнѣ серебро и золото по базарнымъ цѣнамъ, оказалось не доплаченнымъ на русскія деньги серебромъ 833 р. 12½ к.

На другой день розыскали мои товары и возчиковъ и также выпроводили ихъ за городъ, причѣмъ много дивились, что я, никуда не выходя въ теченіи двухъ лѣтъ, успѣлъ однако такъ много закупить товаровъ. Всѣ говорили, что если бы дозволено было мнѣ торговать свободно, то я увезъ бы все у нихъ, изъ Кашгара. Затѣмъ мы направили свой караванъ по Чакмакскому ущелью. Конвой изъ двухъ сипаевъ вернулся съ Чакмака.

Приказикъ Ахметджановъ.

ЗАМѢТКИ О КОГИСТАНѢ.

(Продолженіе) (*).

Въ горахъ дѣвушки выходятъ замужъ обыкновенно 16--20 лѣтъ; 12--14 лѣтъ вступаютъ въ замужество только дочери богатыхъ родителей. Сыновья богачей женятся 16 лѣтъ, бѣдный же горецъ женится уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, когда усѣветъ что нибудь пріобрѣсть, или если за него выйдетъ близкая родственница или состоятельная вдова.

Въ горныхъ кишлакахъ женщины не скрываются отъ мужчинъ; развѣ только отъ духовнаго лица горянка скроетъ свое лицо, а при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ или отвернется отъ него лицомъ къ забору. Горянки, хотя имѣютъ *чашбанъ*, но почти исключительно на случай поѣздки на базаръ.

Мужчины свободно разговариваютъ съ женщинами, какъ своего, такъ и чужихъ кишлаковъ. Такое отношеніе между полами позволяетъ жениться и выходить замужъ по взаимной склонности, но всегда съ согласія родителей. Туземцы могли привести мнѣ только 2--3 случая, когда дѣвушка и молодой горецъ обвѣчались безъ согласія отца и матери. Законъ не противорѣчитъ подобнымъ бракамъ, но *расмъ* (обычай) требуетъ непремѣннаго согласія родителей обвѣчавшихся сторонъ. Если горецъ, еще не отдѣленный отъ общаго котла, найдетъ по своему сердцу дѣвушку, то онъ сообщаетъ объ этомъ матери, но никогда отцу и проситъ ее уговорить отца послать къ дѣвушкѣ сватовъ.

Въ нѣкоторыхъ тюменихъ и деревняхъ мать, прежде чѣмъ сказать о томъ своему мужу, засылаетъ въ домъ приглянувшейся дѣвушки старуху, свою родственницу или хоршую знакомую, чтобы она стороной выпытала: согласны ли родители дѣвушки породниться съ ея домомъ. Въ случаѣ удовлетворительныхъ извѣстій, мать молодого горца сообщаетъ отцу о желаніи своего сына. Собирается домашній совѣтъ изъ болѣе близкихъ родственниковъ, разсуждаютъ о поведеніи дѣвушки, о ея родныхъ и рѣшаютъ: можно ли ее принять въ свое родство. Затѣмъ отецъ выбираетъ изъ деревни двухъ почетныхъ стариковъ (*мунъ-сабитъ*) изъ нихъ одного акакала, какъ болѣе уважаемаго въ деревнѣ, и просятъ ихъ быть сватами его сына (*хаскаръ*). Старики всегда исполняютъ свое порученіе вечеромъ, когда уже стѣмнѣетъ, чтобы не было совѣстно идти обратно назадъ, если получать отказъ.

Отецъ дѣвушки, еще до прихода сватовъ, уже знаетъ, что они должны придти къ нему. Но когда сваты подходятъ къ его дому, то всегда находятъ двери запертыми. Сваты стучатся; ихъ опрашиваютъ и долго не отворяютъ дверь. Наконецъ сваты впускаются. Хозяинъ, пригласивъ ихъ садиться въ лучшемъ углу своей сакли, усорно молчитъ. Посидѣвъ нѣкоторое время молча, сваты обращаются къ хозяину и спрашиваютъ: «неужели тебя не интересуютъ знать откуда и зачѣмъ мы пришли? Ты сидишь и молчишь, точно насъ здѣсь нѣтъ!» Знающіе свое дѣло сваты успѣютъ наговорить при этомъ три короба. Они говорятъ, что съ давнихъ временъ мужчина безъ женщины, а женщина безъ мужчины жить не могутъ, что только живя вмѣстѣ, они выполняютъ законъ. У тебя есть дочь, а у пославшаго насъ есть сынъ. Богу угодно, чтобы они жили вмѣстѣ. Такой-то проситъ тебя взять себѣ въ рабы его сына. «Если отецъ дѣвушки не согласенъ выдать свою дочь, но сваты присланы отъ состоятельнаго лица, равнаго ему или даже богаче и почетнѣе его, то онъ говоритъ сватамъ, что прежде чѣмъ отвѣчать на ихъ предложеніе, ему нужно поговорить съ своею женою, спросить совѣта у род-

(*) Кашгарская теньга равняется 12½ копѣекъ на наши деньги.